

Н. В. Трунова (Москва, Россия)

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОСТИ
В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ:
MODI PRAESENTANDI**

Транспарентность современной политики даёт ощущение причастности общества к происходящим в мире событиям, встраивая его в общий политический ландшафт. Такая ситуациякратно расширяет функции политической публицистики в формировании общественного мнения, создавая предпосылки усиления воздействия на аудиторию в направлении, не противоречащем философии правящего класса и собственной этике издания. Это требует особого ракурса и приёмов убеждения аудитории «верить слову». В англоязычной политической публицистике этой цели служит приём смещения фокуса внимания с событийности на эмоциональное переживание, результатом чего становится феномен «когнитивного искажения».

К л ю ч е в ы е с л о в а: политический ландшафт; модусы презентации; когнитивное искажение.

The transparency of modern politics gives a sense of society's involvement in the events taking place in the world, integrating it into the overall political landscape. This situation sharply expands the functions of political journalism in shaping public opinion, creating the preconditions for strengthening the influence on the audience in a direction that does not contradict the philosophy of the ruling class and the ethics of the publications themselves. This requires a special perspective and techniques of persuading the audience to “take their word for it”. In English-language political journalism, this goal may be achieved by shifting the focus of attention from the eventfulness to the emotional experience, resulting in the phenomenon of “cognitive transformation”.

Key words: political landscape; modi praesentandi/presentation modes; cognitive distortion.

Когда не сквозь глаза мы видим мир, а только ими,
нас заставляют верить в ложь,
рожденную в ночи, чтоб в ней же и растаять,
когда Душа уснула для рассвета.
(Уильям Блейк)

Геополитическая ситуация сегодняшнего дня, которую Генеральный секретарь Организации Объединённых Наций Антониу Гутерриш назвал худшей за весь период после Второй мировой войны, в целом определяется рассогласованностью понимания экзистенциальных ценностей и прав, равно как и несостоятельностью отдельных участников, происходящих на этой почве конфликтов, прийти если не к согласию, то к возможным допустимым компромиссам, выбирая приоритетное направление в решении спорных вопросов.

На фоне развёртывающихся политических событий и дивергентности толкования широкой аудиторией причин происходящего, обусловленной такими факторами как возраст, образовательный уровень, социальный стратум, культура и вероисповедание, новую значимость и новые функции приобретает политическая публицистика, предназначение которой заключается в передаче фактов, освещении полемики и предоставлении аналитики. Основные требования к публицистике (более всего, к политической публицистике) как мощному средству воздействия на сознание реципиента сформулированы в профессиональном кодексе журналиста. Они предполагают концентрацию фокуса внимания на наиболее значимых, жизненно важных событиях, достоверность и непредвзятость их освещения, конъюнктурную независимость и верифицируемость публикуемого материала [1]. До определённого момента эти положения разделялись всем журналистским сообществом, независимо от национальности и государственного строя страны.

Изменения в соотношении политических сил в отдельных государствах и перераспределение заглавных ролей на политической сцене мира в целом, стремление к достижению и установлению главенствующих позиций и обеспечению непоколебимости власти, желание и необходимость скрыть реальные мотивы и движущие силы социальных потрясений [2, с. 261-266]

стали причиной парадигмального сдвига в области политической публицистики, обозначенного метафорой «смерть факта» [3]. Суть явления заключается в том, что на передний план выступает не собственно освещаемое событие, а его интерпретация (вполне допустимая «по умолчанию», с негласного согласия профессионального сообщества и уже широко практикуемая в западной прессе), обусловленная точкой зрения автора или, скорее всего, заказчика публикации. Таким образом на репрезентативной (эпистемической) шкале «достоверно известно, что так / возможно, что так» осуществляется смещение модуса представления излагаемого материала и центральным звеном становится не собственно событие как факт, но мнение частного лица (или заинтересованных лиц) о его (события) возможных причинах и последствиях.

Девальвация фактологии открывает дорогу к спекуляциям, искажающим суть вопроса и служащим сокрытию действительного положения дел. Об этом около тридцати лет назад впервые открыто заявил американский журналист С. Тесич [4]. Характеризуя ситуацию как жизнь за гранью истины (*post-truth reality*), он обращался к общественности страны с призывом если не к противостоянию, то, во всяком случае, неприятию ложных суждений и оценок. Однако, однажды запущенный механизм уже невозможно остановить. Поэтому в качестве противовеса истине в политической публицистике создаётся новая «изменённая реальность», в которой статус актуальной информации характеризуется не верифицируемым фактом, но частным, ангажированным мнением, апеллирующим не к аналитическим действиям разума, а к эмоциям её потребителя. При этом для общества, находящегося в состоянии экономических и политических потрясений, достаточным бывает даже незначительное преувеличение важности происходящего, чтобы вспыхнул пожар эмоций. И уже не важно, подвергается ли ложная информация опровержению в последующих публикациях [5, с. 45-50], поскольку они просто выпадают из актуального поля: настолько сильным оказывается «эмоциональный ответ» на информацию, полученную ранее. Именно этот фактор, фактор эмоциональной реакции заложен в основу манипулятивного воздействия.

Объяснение этому феномену даёт концепция эволюционного развития биологического вида *homo sapiens*, согласно которой поведение человека контролируется эмоциями как формой ответа на внешний раздражитель (звук, запах, движение) [6]. В преломлении к политическим публицистическим изданиям эта доктрина была разработана американским учёным, писателем и журналистом Д. Гоулманом. Давая описание общей теории эмоционального интеллекта и нейрофизиологических механизмов, анализируя испытываемые людьми эмоциональные состояния, Дэниэл Гоулман формулирует следующие положения:

- В работе двух типов разума человека существует «разделение труда»: прерогативой рационального типа разума является осуществление мыслительных процессов, эмоциональный разум руководит чувствами.

- Эмоциональный интеллект формировался у человека миллионы лет. В силу эволюционного «старшинства» он принимает на себя задачу первичной переработки информации.

- Эмоциональный интеллект обеспечивает способность определять и оценивать эмоции, а также управлять эмоциями, причем, как своими, так и чужими.

- В жизненно важных, сложных критических ситуациях (и не только) человек, как правило, подчиняется испытываемым эмоциям.

- Все эмоции – как положительные, так и отрицательные – представляют собой побуждение к действию.

- Эмоции могут передаваться от человека к человеку [7].

По мнению Д. Гоулмана, самое мощное влияние на поведение человека имеют три (отрицательные) эмоции: тревога, страх, гнев.

Отмечается, что феномен эмоционального воздействия и взаимодействия реализуется не только в условиях совместной деятельности, например, участия общественных мероприятий (в том числе, и в политических акциях), поскольку эмоциональная атмосфера является «регулятором человеческого поведения в системе отношений, предлагаемых социальной структурой» [8], но может быть вербально опосредованным [9;10]. Эта точка зрения, уже более тридцати лет назад была, по-видимому, впервые сформулирована и обоснована американским лингвистом, политическим публицистом и философом Н. Хомским в книге «Контроль СМИ: выдающееся достижение пропаганды».

Связывая вопрос о демократизации общества с воздействием средств массовой информации на формирование того, что принято называть «картиной мира», Н. Хомский опосредованно полемизирует с писателем, политическим обозревателем У. Липпманом, считавшим, что общество «демократично» разделено на тех, кто правит и определяет политику, и тех, кто встраивается в предлагаемую доктрину, не вдумываясь в причины и последствия происходящего в силу собственной ограниченности и неспособности принимать самостоятельные решения. При этом, если «интеллектуальная элита» руководствуется рациональным логическим анализом, основная масса населения полагается на интуицию и субъективное эмоциональное восприятие. [11]. Последнее обстоятельство составило платформу для воплощения идеи создания института «связи с общественностью», основной прерогативой которого, как отмечает Н. Хомский, является контроль общественного сознания [12, с. 59]. Ещё одним следствием стало изменение репрезентативной парадигмы политической публицистики, упразднившей критерий верификации факта в пользу эмоциональной интерпретации даже не происходящего, а предполагаемого.

В полном соответствии с принятой таким образом доктриной в начале текущего столетия изменился политический публицистический нарратив, который и сейчас остаётся характерным для западноевропейских и североамериканских изданий в рамках этого жанра. Его специфическим

признаком является, прежде всего, фальсификация событий. Психологическая подоплёка в данном случае очевидна: устоявшиеся социальные ценностные ориентиры по определению формируют тот «коридор», в рамках которого развиваются все внутренние и внешние политические процессы государства. Сохранение «равномерного прямолинейного движения» социума в обозначенных границах определяет необходимость поддерживать единение граждан в решении существующих (или намеренно создаваемых) проблем и устранении актуальных (или вымышленных) угроз. Утрата (отсутствие) ресурса, позволяющего решить реальные внутренние задачи, требует изменения цели и, безусловно, решения двух сакраментальных вопросов: кто виноват и что делать. При этом виноватого, как правило, ищут «за забором», а основным приёмом устранения проблемы избирают агрессивные меры по отношению к «врагу». Эти принципы, как, приводя реальные имена и конкретные (вообще говоря, хорошо известные) факты, пишет профессор Н. Хомский, закладываются в основу государственной политики западных правительств, озабоченных поиском внешних «монстров» и путей борьбы с ними (у каждого – свои): *«We have our ways, too. Over the last ten years, every year or two, some major monster is constructed that we have to defend ourselves against. There used to be one that was always readily available: The Russians. You could always defend yourself against the Russians»* [12, с. 38]. ‘У нас тоже есть свои пути. За последние десять лет, каждый год или два, создается какой-то крупный монстр, от которого нам приходится защищаться. Раньше был тот, кто всегда подходил <для этих целей>: русские. Всегда могла быть <необходимость> защищаться от русских’. Сущностная характеристика политической публицистики, выявляемая в функциональной нагрузке жанра, включает следующие составляющие:

- идеологическую (детерминирующую): любой политический нарратив всегда обусловлен идеологической доктриной государства, определяющей векторы рассмотрения политических вопросов, их значимость и ракурсы интерпретации;
- когнитивную: ключевую в современном информационном пространстве социума;
- аналитическую (комментативную): состоит в акцентуации значимых факторов;
- прогностическую: отображает направленность векторов развития ситуации и условия достижения возможных результатов.

«Железный канцлер» Отто фон Бисмарк называл политику «учением о возможном». Вне исторического контекста политических событий середины XIX века, вероятно, трудно интерпретировать точный смысл этого высказывания. В преломлении к сегодняшнему дню это может иметь вполне позитивные импликации, предполагая возможность выбора решений, определяющих перспективы развития актуальных ситуаций. Вместе с тем, очевидно, что характер отражения актуальных событий текущего времени в политической публицистике запада свидетельствует об упразднении

различий между «быть» и «быть возможным». Такая понятийная редукция разрушает основу отграничения аподиктических суждений (суждений достоверности) от суждений проблематических («правдоподобных» суждений, истинность которых не удостоверена). Таким образом, стирается грань между истинным и ложным. В области политической публицистики это приводит к подмене понятий, допущению искажения истины и откровенной лжи.

В политическом публицистическом пространстве пост-правды бездоказательность суждений становится нормой. При этом отсутствие доказательной базы (эпистемический модус презентации) не считается поводом для опровержений, как, например, в «деле Скрипалей»: *British authorities on Tuesday also made a dramatic announcement in yet another high-profile case of a Russian-linked assassination plot on British soil* 'Во вторник британские власти также сделали драматичное заявление по еще одному громкому делу о связываемом с Россией заговоре с целью убийства на британской земле' [13], навешивание ярлыков служит интенсификации эмоционального (аксиологический модус) респонса: *The only difference is that there is a terrorist organization that attacked Israel, and here is the terrorist state that attacked Ukraine* 'Единственное различие состоит лишь в том, что там [есть] террористическая организация, которая напала на Израиль, а здесь – террористическое государство, которое напало на Украину' [14]. Наиболее характерным персуазивным приёмом в западноевропейской и североамериканской политической публицистике представляется явление, получившее в политической психологии терминологическое обозначение «фундаментальной ошибки атрибуции» [15], как это произошло в речи председателя Еврокомиссии Урсулы фон дер Ляйен на заседании Европарламента 13 сентября 2023 года: «...*Russia threatens to use nuclear weapons again. It is heinous. It is dangerous. In the shade of Hiroshima it is unforgivable* » 'Россия угрожает снова применить ядерное оружие. Это порочно. Это опасно. Как эхо <событий> Хиросимы, это непростительно [16].

Коммуникативные модусы формируются в оппозициях «достоверно известно / не верифицировано» (когнитивные, эпистемические модусы, основанные на уровне «уверенного» знания участников коммуникации) «хорошо / плохо» (ценностные, аксиологические модусы, основанные на базовых ценностях социальной группы) и «нравится / не нравится» (преференциальные – *attitudinal*, 'эмотивные, основанные на личностных предпочтениях'. Вербальная актуализация этих модусов в (любых) коммуникативных практиках реализует нелинейные, многомерные алгоритмы ментальной обработки и анализа получаемой информации (на этих принципах, в частности, основана работа искусственного интеллекта) и составляет основу логических информационных структур. Нарушение этих принципов приводит к когнитивным диссонансам и когнитивным искажениям восприятия и мышления, что собственно и способствует формированию «иной реальности», реальности пост-правды.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Никифоров Г. С., Дудченко З. Ф., Тучина О. Р. Психологическое здоровье личности: к истории вопроса в отечественной психологии // Психологический журнал. 2019. Т. 40, № 6. С. 55-65.
2. Семенов А. В., Семенова Т. Г. Реферирование и аннотирование на русском и китайском языках : учеб.-метод. пособие. М. : Шанс, 2019. 295 с.
3. Васильева В. В. Релаксационный аспект журналистики развлечения // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 2. URL: <http://www.science-education.ru/102-5907> (дата обращения: 11.07.2020).
4. Социально-когнитивное функционирование языка : коллектив. моногр. / Кемеровский гос. ун-т. Кемерово : КГУ, 2017. 316 с.
5. Использование метода инфотейнмента в практике современного российского телевидения / И. И. Карпенко, Л. Ю. Иванова, М. В. Кюсева, М. В. Тарасова // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2017. № 28 (277). С. 97–105.
6. The Effects of Chinese Learners' English Acoustic-prosodic Patterns on Listeners' Attitudinal Judgements / H. Chen, Q. Wang, Y.L. Li, W.-D. Wu // The Southeast Asian Journal of English Language Studies. 2018. Vol. 22, № 2. P. 91–108.
7. Бартош Н.Н. Функционирование нулевого артикля в бытийных высказываниях современного французского языка : дис. ... канд.филол. наук : 10.02 05. Минск, 2019. 164 л.
8. Глушкова С. Ю. Лингвопрагматические аспекты категории вежливости в английском и китайском языках: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.20 / С. Ю. Глушкова; Татарский гос. гуманитарно-педагогический университет, Казань, 2011. 22 с.
10. Красовский А. В. Культурно-обусловленные лексические средства выражения категории вежливости в русской и китайской лингвокультурах // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество: материалы междунар. науч. конф. : [в 3 ч.] / Забайкал. гос. ун-т; [гл. ред. Е. В. Дроботушенко]. Чита : ЗабГУ, 2017. С. 174–177.